

Дайте потаскать бульжник!

В Санкт-Петербурге возник новый Театр юного зрителя

Сам по себе факт отрадный. Впрочем "новый" — формально. Персонажи данного события всем известны. Режиссер Анатолий Праудин, "блуждающая звезда" российского масштаба, совместно с группой актеров, большинство из которых работали с ним еще в старом ТЮЗе, создали новый театральный организм, который в данный момент среди прочих театров наиболее последовательно воплощает идею театра единомышленников (так хочется думать). "Экспериментальная сцена под руководством Анатолия Праудина", которая нашла себе местечко под крышей Балтийского дома, открылась осенью спектаклем "Крокодил"! "Сизиф и камень" — новая работа, показанная уже под занавес сезона.

Экзистенциалисты были последними, кто в XX веке так целеустремленно перетряс мешки с костями древнегреческих богов и героев. Эссе Альбера Камю "Миф о Сизифе" даровало Сизифу титул трагического и абсурдного героя. Драматург Наталья Скорород написала экзистенциальную драму, "пьесу не только для детей". Да и режиссер не столько знакомит зрителей с древнегреческой мифологией, сколько излагает азы экзистенциализма как мироощущения. Анатолий Праудин ясным, простым, "детским" языком рассказывает историю о том, как "абсурдный человек, глядя на свои муки, заставляет умолкнуть идиологов".

А еще он постоянно задает вопросы. Не только себе — эти вопросы, множество раз брошенные в пространство, друг другу всеми

персонажами совершающейся драмы, начинают звучать в твоём сознании, и ты волею-неволей копаешься в себе, судорожно ища на них ответы. "Детские" вопросы — те, первые, сорвавшиеся с губ человечества, покинувшего лоно мифологического сознания. "Спроси меня, кто я". "Спроси себя, кто ты!". "А теперь спроси, какая твоя работа". И попытайся ответить. Весь спектакль пронизан ритмом этого своеобразного линг-понга: вопрос — ответ. Вверх — вниз. "Я Сизиф — сын Эола", — говорит герой вначале. "Я Сизиф, который толкает камень", — провозглашает он в конце. От ветра — к камню. От сына бога — к Человеку. Путь, совершаемый Сизифом, от отчаяния — через попытки — к принятию своей судьбы, а значит — к обретению единственно возможной свободы, мгновенно, когда "ад настоящего становится его царством". Спектакль мужественный, скупой, где отчетливо и открыто герой — alter ego его создателя.

С самого начала спектакля актеру Александру Борисову дано в полной мере ощутить всю "тяжесть скорби", взваленной на плечи его героя. Вверх по железным ступеням пирамидальной, урбанистической конструкции (сценография Марта Китаева и Михаила Платонова) он несет не бутафорский бульжник, а актрису Ирину Соколову, живой Камень, который норовит уцепиться за поручни и легко сбегает вниз по ступеням. Отчаяние и безнадежность вечной пытки переводятся в физическое страдание. Один раз, другой, третий — пока Камень не предложит сыграть в кости. Режиссер персо-

нифицирует, "оживляет" Камень, делая его неким Вергилием, одновременно искушающим и ведущим героя через все круги Аида. Камень провоцирует Сизифа своим ровным мягким голосом: "Если ты выиграешь, я так и быть, постою на вершине горы".

Игра в кости с Камнем — первая встреча с разламывающим сознание иррационализмом, разрушение нормальной человеческой логики. Тщетно Сизиф будет носить с большим золотым яблоком от бога подземного царства Гадеса (Александр Кабанов) к Харону (Владимир Баранов), пытаясь наглядно, поднося к их лицам половинки яблока, доказать, что целое больше, чем половина. "Я выиграл", — будет повторять Сизиф. Его наивному утверждению ответят смехом, твердя, как неразумному ребенку: "Половина больше, чем целое". Ты проиграл". Таких "перевёртышей" в спектакле множество. Двойственность понятий свободы, героизма, бунта доказывается "играючи". Слово то и дело переворачивают медалью, на которой изображен двуликий Янус.

Не надо думать, что мощная философская подоплека автоматически разворачивает спектакль в сторону взрослой публики. Такую ясность и простоту в сценическом претворении сложнейших в идейном плане задач можно было наблюдать разве только в "Крокодиле" того же режиссера. Как вести разговор о ценности человеческих деяний? О смысле жизни? Просто: теза — антитеза. Так в Аид спустится Тезей, выступающий в спектакле как двойник Сизифа, претендующий на право быть Героем. А

как же, в человеческом сознании он — герой древних боевиков, совершивший много подвигов, убивавший кого не попадая, в том числе и самого Сизифа. Правда, в исполнении Алексея Барабаша Тезей предстает большим ребенком с упрямой нижней челюстью, который размахивает игрушечным мечом и развезжает на милой резиновой лошадке, подвешенной на ремне. И вообще производит впечатление самодовольного, неразвитого, но обаятельного молодого балбеса. Уставший, много познавший Сизиф на его фоне выглядит мудрецом. Молодческое ухарство слетает с Тезея сразу же, как только он оказывается прикованным к волшебному железному трону. Лишь благодаря хитрости Сизифа Тезей вырывается на свободу, убегает в голубую, теряющую в тумане очертание границ пропасть. В этом голубом сиянии — Земля, свобода, жизнь. И это последнее, самое сильное искушение Сизифа. Искушение, "пытка" свободой, земной, полной наслаждений жизнью. Все, ворота захлопнулись. Этап пройден.

Он остается со своим Камнем. Вскоре Тезей вернется уже "мертвым" в подземное царство. И будет недоумевать: почему люди на земле величают героем Сизифа, вечного таскающего какой-то Камень? Он даже попросит Сизифа дать потаскать ему этот бульжник. Тот, конечно, откажет, потому что "в этом тихая радость Сизифа. Ему принадлежит его судьба. Камень — его достояние".

Елена СТОГАЛЕВА

Санкт-Петербург
и экспериментальная сцена
№19 А. Праудина

Культурный — 19.11.11 — 17.11.11 — 17.11.11 — 17.11.11 — 17.11.11